

Инга Васильева, Анна Цветкова

(Калининград)

КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЗРЕНИЯ З. ФРЕЙДА В ТЕОРИИ ТОЛКОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ*

Демонстрируются точки теоретического сближения теории толкования сновидений З. Фрейда и современной когнитивной лингвистики. В этой связи отмечается актуальность для Фрейда таких языковых преобразований, как метафора, метонимия, символизация, паронимия, омонимия, языковая игра, ассоциативные сети. Кроме того, при толковании сновидений отмечаются важность учета полисемии, предварительных контекстных условий и переход содержания из одной кодовой системы в другую – из иконической образной в символическую концептуальную. В целом обосновывается положение о том, что Фрейд предвосхитил важнейшие теоретические положения современной когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: Фрейд, глубинная психология, психоанализ, сновидение, когнитивная лингвистика, метафора, метонимия, символ, паронимия, языковая игра, прагматика, семантика, ассоциативные сети, семиотика.

Самые странные сны для умеющего проанализировать их становятся логически обусловленными, разумными.

Маркиз Д' Эрвей де Сен-Дени

Историческая заслуга З. Фрейда состоит не только в том, что он ввел в устойчивый науч-

© Васильева И., Цветкова А., 2015

* Работа выполнена при поддержке РГНФ – грант №13-04-00029 «Репрезентативный потенциал естественного языка как знаковой системы сновидений».

ный оборот идею бессознательного. Он сумел реально проникнуть в его содержания с сознательных позиций, определить в общих чертах характер этих содержаний, разработать методику их анализа с целью освобождения человеческой психики от обременяющих ее энергий.

Сам Фрейд писал об этом так, с одной стороны, недвусмысленно указывая на собственную значимость для науки и всей истории человеческой мысли, а с другой — упоминая тех, кто стоял у истоков его теории:

В течение веков наивное самолюбие человечества вынуждено было претерпеть от науки два великих оскорбления. Первое, когда оно узнало, что наша земля не центр вселенной, а крошечная частичка мировой системы, величину которой едва можно себе представить. Она связана для нас с именем Коперника, хотя подобное провозглашала уже александрийская наука. Затем второе, когда биологическое исследование уничтожило привилегию сотворения человека, указав ему на происхождение из животного мира и неискоренимость его животной природы. Эта переоценка произошла в наши дни под влиянием Ч. Дарвина, Уоллеса и их предшественников не без ожесточеннейшего сопротивления современников. Но третий, самый чувствительный удар по человеческой мании величия, было суждено нанести современному психоаналитическому исследованию, которое указало Я, что оно не является даже хозяином в своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно. Но и этот призыв к скромности исходит не впервые и не только от нас, психоаналитиков... [11, с. 181].

Фрейд, по сути, заложил теоретические основы современной когнитивной науки, обращенной к исследованию глубинных сфер человеческой ментальности, ведь они и составляют бессознательное человека [3, с. 48–49].

Методику анализа содержаний бессознательного Фрейд разрабатывал, опираясь на область, занимающую промежуточное положение между бессознательным и сознательной сферой. Таковой он определил, прежде всего, сновидения.

Сновидение, — писал он, — одно из проявлений этого бессознательного; в теории оно является им всегда, на основании же конкретных наблюдений в большинстве случаев, которые обнаруживают наиболее ярко отличительные особенности сновидения, психически подавленное, которое в бодрствующем состоянии не могло найти себе выражения и было изолировано от внутреннего восприятия, в ночной жизни при господстве компромиссных образований находит себе пути и средства для проникновения в сознание [10, с. 625].

Фрейд отмечал и другие психологические феномены, раскрывающие человеку содержания его бессознательного¹, но именно сновидения, по его мнению, способны вскрыть бессознательное человека наиболее полно и глубоко. «Толкование же сновидений, — писал он, — есть *via regia* (царская дорога) к познанию бессознательного в душевной жизни» [10, с. 626]².

В связи с этим перед Фрейдом встал вопрос о механизмах толкования сновидений. В самом общем плане такое толкование понималось им как перевод содержания одной кодовой системы в содержания другой, открытой сознанию, — системы естественного языка. «Мысли и содержание сновидения, — писал он, — предстают перед нами как два изображения одного и того же содержания на двух различных языках, или, вернее говоря, содержание сновидения представляется нам переводом мыслей на другой язык, знаки и правила которого мы должны изучить путем сравнения оригинала и этого перевода» [10, с. 355]. Такой перевод содержания сновидений с одного языка на другой играет в их толковании ключевую роль, причем методологически в этих условиях важны правила, которых должен придерживаться толкователь, а практически — сами толкования, представленные на основе естественного языка. Об этом Фрейд писал так: «Если нам удастся превратить сновидение в такое значимое высказывание, то перед нами, очевидно, откроется перспектива узнать новое, получить сообщения такого характера, которые иначе остались бы для нас недоступными» [11, с. 302]. Таким образом, результаты толкования сновидения, по верному наблюдению Фрейда, имеют самостоятельную значимость для науки, изучающей глубинные уровни человеческой ментальности. И если в современной когнитивистике глубинные уровни человеческой психики обычно рассматриваются путем обращения к данным языка и сознания, то Фрейд содержания бессознательного анализировал по его собственным непосредственным проявлениям — сновидениям. В этом плане обнаруживается и еще одно различие: язык позволяет выявить общее (коллективное) в содержательной деятельности человеческой ментальности, а сновидения — индивидуальное, присутствующее конкретному человеку.

---

¹ Таковыми он определял, например, ошибочные действия, процессы вспоминания забытых наименований или продукты творческих актов, анализ которых также проясняет многое в бессознательном человека и способствует психологическому облегчению в клинических случаях.

² В другом месте описал более определенно (и все-таки с известной оговоркой): «...Сновидение, по-видимому, является промежуточным состоянием между сном и бодрствованием» [11, с. 53].

Само толкование сновидений Фрейд определял как первый и основной этап работы с ними — переход от их явного содержания к скрытому. В одной из лекций он определил этот тезис следующим образом: «Вот и все, что я хотел сказать вам, уважаемые дамы и господа, о толковании сновидений, задача которого — прийти от явного сновидения к скрытым его мыслям» [11, с. 308]. Второй этап работы со сновидениями — анализ их выявленных скрытых содержаний, позволяющий внести коррективы в психическую жизнь человека. На этом этапе осуществляется уже теоретическая практика психоанализа.

В акте толкования сновидений ключевую роль играют конкретные тактики и установки, обеспечивающие верные реконструкции скрытых содержаний на основе представившихся в непосредственных образах, — Фрейд связывал их с характером отношения между содержанием, скрытыми и явленными в образах сновидений. Он писал: «Вы помните, что раньше при исследовании отношения между элементами сновидения и его собственным [содержанием] я выделил три вида таких отношений: части от целого, намек и образного представления. О четвертом я тогда упомянул, но не назвал его. Введенное здесь символическое отношение является этим четвертым» [11, с. 93].

Каждое из этих отношений у Фрейда наполняется собственным содержанием, которое с современной точки зрения может интерпретироваться в плане фундаментальных когнитивно-языковых механизмов.

Символическое отношение. Это отношение Фрейд считал ведущим в выявлении истинного содержания сновидений. Отмечая его, он высказывался, как всегда, осторожно: «Символика, может быть, самая примечательная часть в теории сновидений» [11, с. 93]. При этом познавательная природа символа Фрейдом понимается разнообразно³.

Так, особенно часты у него символы, сложившиеся на основе *метафор* [5, с. 221 — 223]. На эту их когнитивную природу указывает актуальный для метафор принцип сравнения и зафиксированное в них сходство по тому или иному признаку [2, с. 155; 4, с. 104 — 107]. Интуитивно осознавая связь символа, метафоры и принципа сравнения как их познавательной основы, Фрейд писал: «Сущностью символическо-

³ Строго говоря, Фрейд в своем отношении к символическим образам сновидений демонстрирует весьма противоречивые установки. С одной стороны, он активно поддерживает символический способ толкования снов, жестко ограничивая себя при этом рамками эроса. С другой стороны, он так же активно критикует общий символический подход в толковании сновидений. Ср.: «Символический метод в применении своем чрезвычайно ограничен и не может претендовать на более или менее общее значение» [10, с. 128]. Таким образом, для Фрейда символический принцип актуален, но признавал он только эротическую символику.

го отношения является сравнение, хотя и не любое. Предполагается, что это сравнение особым образом обусловлено, хотя эта обусловленность нам не совсем ясна» [11, с. 94]. Соответственно, подобные образы сновидений предполагают метафорическое истолкование, опирающееся на сходство того, что видится во сне, и того, что на самом деле имеется в виду. При этом для Фрейда «область-цель» принципиально имеет эротический характер. Так, «дома с совершенно гладкими стенами обозначают мужчин; дома с выступами и балконами, за которые можно держаться, — женщин» [11, с. 95]. Продолговатые и торчащие вверх предметы, по Фрейду, имеют фаллическую символику — таковы, например, *палки, зонты, шесты, деревья* и т. п. Ту же символическую семантику имеют предметы, способные проникать внутрь и ранить: *ножи, кинжалы, копья, сабли, ружья, пистолеты, револьверы* и т. п. [11, с. 96]. «Также вполне понятна замена мужского члена предметами, из которых льется вода: *водопроводными кранами, лейками, фонтанами* и другими предметами, обладающими способностью вытягиваться в длину» [11, с. 96]. Женские же половые органы, по Фрейду, символически представляются при помощи всех предметов, ограничивающих покое пространство и способных что-то принимать в себя, — таковы *шахты, копи, пещеры, сосуды и бутылки, коробки, табакерки, чемоданы, банки, ящики, карманы* и т. п. [11, с. 97]. *Фрукты* вообще и *яблоки* или *персики в частности*, обладающие признаками «округлые» и «вкусные», символически представляют груди или ягодицы женского тела [11, с. 97]. «*Всякого рода лестницы, стремянки* и подъем по ним — несомненный символ полового акта, — писал Фрейд. — Вдумавшись, мы обратим внимание на ритмичность этого подъема, которая, как и, возможно, возрастание возбуждения, одышка по мере подъема, является общей основой» [11, с. 98].

Во всех случаях подобного рода те или иные признаки «эротической реальности», с которой имеет дело человек в своей жизни, воспроизводятся в образной сфере сновидений на основе самых разных объектов. Более того, если количество эротических реалит, представляемых во сне символически, невелико, то отвечающая им предметная символика, по наблюдению Фрейда, чрезвычайно разнообразна [11, с. 95]⁴.

---

⁴ Последнее обстоятельство, по мнению Фрейда, и составляет основную трудность и тонкость в толковании сновидений, выводя этот процесс за грани науки. «Как найти путь к этому символическому толкованию, — писал он, — на этот счет нельзя дать, разумеется, никаких определенных указаний. Успех зависит от остроумия, от непосредственной интуиции субъекта, и потому толкование сновидений при помощи символики вполне зависит от искусства, связанного, очевидно, с особым талантом» [10, с. 125].

Гораздо менее часто, по Фрейду, представлена в сновидениях символика, сложившаяся на основе метонимий [5, с. 223]. Так, галстук в качестве символа penis'a может рассматриваться не только как его метафорический репрезентант, но и как двойная метонимия «галстук как мужской атрибут → мужчина → мужской половой орган» [10, с. 342]. Точно по такой же модели строится символика мужской шляпы как знака мужского полового органа [10, с. 344]. Фамилию Цукер («сахар») Фрейд связывал с Карлсбадом, куда направляют больных с диабетом [10, с. 236]. В данном случае имеет место еще более развернутая и в функционально-языковом отношении более сложная модель «Zucker (фамилия) → Zucker («сахар») → сахарный диабет → место, где лечится сахарный диабет».

Метонимическая замена обнаруживает себя и в постулированном Фрейдом принципе сгущения при образовании символа сновидения. Согласно этому принципу, «явное сновидение содержит меньше, чем скрытое, т. е. является своего рода сокращенным переводом последнего» [11, с. 107]. Реализуясь комплексно, метонимии такого рода образуют своеобразное «смещение» деталей: приснившийся человек А может быть одет как Б, действовать как В, а пониматься сновидцем как Г [11, с. 107].

Важную роль в сновидениях подобного рода играет, по наблюдению Фрейда, и мифологическая символика. В предисловии к третьему изданию «Толкования сновидений» (1911 г., явно под влиянием идей К.Г. Юнга, с которым у Фрейда уже наметилась полемика) он писал: «Я решаюсь, кроме того, сказать заранее, по каким другим путям отклонятся последующие издания «Толкования сновидений», если окажется в них потребность. Они должны будут приблизиться более к богатому материалу поэзии, мифа, языка и народного быта...» [10, с. 12]. В этом ряду миф он выделял особо: «...я просто не могу не упомянуть о том, как часто именно мифологические темы находят свое объяснение в толковании сновидений» [11, с. 313].

Однако общий вектор толкования образов сновидений с позиции мифологической образности у Фрейда был намечен с самого начала. Так, сновидения, связанные с *водой* / *водами*, по Фрейду, выражают мифологическую по своей сути семантику рождения и перерождения [10, с. 338–339]. Вода в мифах — это и первоначало, исходное состояние всего сущего, и аналог материнского лона и чрева, в связи с чем ритуальный акт омовения означает не просто возвращение к исходной чистоте, но как бы новый выход из материнской утробы, второе рождение (эта семантика воды прослеживается, например, в христи-

анской символике крещения) [1]. Половая связь с матерью в сновидении толкуется Фрейдом в связи с образом земли, в разных мифологических системах понимаемой как женское порождающее начало, которое в ряде случаев воплощается в образе богини-матери (ср. в славянской мифологии образ матери сырой земли: принимая в себя семена, земля беременеет и дает новый урожай, являясь всеобщей матерью и кормилицей) [8, с. 467]. Печь, согласно Фрейду, символизирует собой женщину и материнское начало, в то время как в мифологии индоевропейских народов пламя — это всегда образ мужского оплодотворяющего начала, а очаг и печь — образ материнского чрева.

Не случайно, например, в славянской традиции поддержание домашнего огня и приготовление пищи было специфически женским занятием. Об этом же говорит и то, что символика печи в славянской мифологии отнесена к важнейшим экзистенциальным проявлениям женщины, таким как, с одной стороны, дефлорация, соитие, развитие плода, рождение ребенка и, с другой стороны, агония, смерть и посмертное существование [9, с. 310].

Утвердившись в важности и широкой распространенности символического (метафорического, метонимического) способа репрезентации необходимых содержаний в сновидениях, Фрейд не удержался от дальнейшего соблазна и высказал предположение о возможности создания специального словаря, в котором были бы представлены устойчивые символические образы сновидений. Он писал: «Ознакомившись с богатым применением символики при образовании сновидений, мы должны задаться вопросом, не обладает ли большинство этих символов одним и тем же раз и навсегда установленным значением, — другими словами, мы испытываем искушение составить своего рода сонник нового типа» [10, с. 340]. И тут же прозорливо отметил, выходя уже за рамки собственно языковых установок, что подобные символы, имея корни в бессознательном, найдут выражение в фольклоре, мифах, сагах, языке, пословицах и поговорках [10, с. 340–341].

Намек. Суть этой тактики в сновидениях у Фрейда — указать тем или иным способом на их истинное содержание. Важно отметить, однако, что само понятие намека у Фрейда имеет нечетко определяемые границы вследствие чрезвычайной разнородности его механизмов. Даже символ Фрейд соотносил с намеком — ср.: «Следует также согласиться с тем, что пока понимание символа нельзя строго определить, оно сливается с замещением, изображением и т. п., приближается к намеку» [11, с. 94].

Тем не менее возможно определить основные виды намека, по мнению Фрейда, отчетливо характерные для сновидений. Так, принципиально важную роль в этих условиях играют *параномазии*, при которых реальное содержание сновидения задается наименованием, в звуковом отношении близким наименованию образа сновидения⁵. Например, «первичная язва» (*Primäraffekt*) может намекать на первую любовь (*prima affectio*); если видевший сон извлекает знакомую даму (*hervoorzieht*) из-под кровати, это может означать, что он отдает ей предпочтение (*Vorzug*); если человеку снится, что некое лицо застряло в ящике, это может означать (при сближении ящика и шкафа — *Schrank*), что это лицо ограничивает себя (*schränkt sich ein*) в чем-то; путешествие (*Reisen*) может ассоциироваться подобным образом с болью (*Reissen*); Италия с ее красотами (*gen Italien*) может рассматриваться как намек на гениталии (*genitalien*).

Другой вид намека, отмечаемый Фрейдом, — *языковая игра*. Так, весьма частой в сновидениях он отмечает игру на уровне общей логической природы языкового знака — именами собственными и именами нарицательными. При этом, с одной стороны, действует следующее правило: наименования образов сновидений, имеющих конкретный характер, подобным игровым способом указывают на имя собственное или на соответствующее абстрактное понятие. Так, увиденные во сне *клецки* (*Knödel*) представляют собой намек на человека по фамилии Кнедель; увиденная редька (*Rettig*) должна пониматься как намек на спасение (*rett'dich* 'спасайся', *sich retten* 'спасти'). Некий пациент Фрейда во сне поднялся на гору, откуда открывался необыкновенно красивый вид, и этот сон Фрейд связал с газетой «Обозрение» («*Rundschau*»). Вместе с тем подобная игра может реализоваться и в обратном направлении: имя собственное служит намеком на нечто конкретное, важное для сновидца. Например, фигурировавшее во сне имя собственное *Пелаги* служит намеком на мысль о *плагиате* [10, с. 248]; увиденный во сне *стол* (*Tisch*) может связываться с семьей по фамилии *Tischler*; цинковый заступ (*pelle*) в одном сне связывается с химиком по фамилии *Pelletier* [10, с. 82].

⁵ Эта тактика была заимствована Фрейдом из сонников других культурных традиций. Он прямо говорил об этом так: «Доктор Альфред Робитзек обращает мое внимание на то, что восточный сонник, по сравнению с которым наши представляют собою жалкие подражания, совершает толкование элементов сновидения по большей части по созвучию и сходству слов. Так как эта аналогия при переводе на наш язык должна была, несомненно, утратиться, то этим и объясняется странность толкований в наших народных сонниках» [10, с. 127]. В этом наблюдении также обозначилось прозрение Фрейда относительно перенесения свойств языка на познавательную природу сновидений.

Дополнительная разновидность подобной языковой игры, по Фейду, обеспечивается *омонимами*. В случаях такого рода наименования образа сновидения и его реального значения находятся в отношении формального тождества, и при толковании сновидения это отношение важно найти и иметь в виду. Так, увиденная женщиной во сне *корзина* (*Korb*) может напоминать о ее многочисленных отказах женихам в силу существования омонимов *Korb* 'корзина для закупок' и *Korb* 'отказ жениху' (сам Фрейд рассматривает этот случай как полисемию)⁶. Увиденное во сне *пальто* может пониматься в эротическом смысле как *кондом* в силу омонимичности *Überzieher* 'пальто' и *Überzieher* 'кондом'. Человеку снилось, что его «бросили в воздух»: слово *Wurf* по созвучию означает 'бросок' и 'жребий, удачу' [10, с. 330].

Наконец, несомненным механизмом языковой игры, создающей намеки в сновидениях, является для Фрейда многозначность слов. При этом описание образа сновидения и формулирование его реального содержания выходит у него на уровень метаописания. Он указывал: «Работа сновидения стремится совершенно к противоположному: сгустить две различные мысли таким образом, чтобы найти многозначное слово, в котором обе мысли могут соединиться, подобно тому, как это делается в остро́те. Этот переход нельзя понять сразу, но для понимания работы сновидения он может иметь большое значение» [11, с. 108].

Особое средство языковой игры у Фрейда составляют антонимы. В случаях такого рода реальное содержание образа сновидения он предлагает определять на основе значения, противоположного исходному. Эту тактику он заимствовал у месопотамских арабов, которые учили: «Главная идея в истолковании сновидения — заменить содержание сна на его противоположность» [10, с. 126]. Особенно хорошо это положение иллюстрируют сновидения о купании: «броситься в воду», согласно Фрейду, означает «выйти из воды» — иными словами, «родиться» [10, с. 338]. Фрейд предложил и когнитивное объяснение этого феномена. По его мнению, запреты на реализацию тех или иных содержаний в бессознательном ведут к их инверсии и представленности в сновидениях в образах противоположного характера [10, с. 175].

---

⁶ В славянской культурной традиции в этой знаковой функции могла бы выступить *тыква* («*гарбуз*»), но механизмы этого функционирования были бы иные — прагматические, культурно-ассоциативные. При отказе сватам им вручается *гарбуз*, который и является знаком этого отказа (ср.: *гарбуза поднести* 'отказать в сватовстве').

Можно заключить, таким образом, что толкование сновидений у Фрейда теоретически ориентировано на язык, его фундаментальные познавательные свойства и механизмы, отражающие когнитивные возможности человека. При этом тактики толкования имеют ту или иную когнитивную глубину. Наиболее поверхностными, связанными непосредственно с планом выражения языка, являются тактики, ориентированные на языковые номинации (таковы, например, паронимазии, функциональные игры). Сам Фрейд подчеркивал наличие «поверхностных ассоциаций», которые организуются «при помощи созвучия, словесной двусмысленности, совпадения по времени вне отношения к смыслу, — словом, при помощи всех тех ассоциаций, которые мы используем в анекдотах и игре слов» [10, с. 545]. Наиболее глубокими являются тактики, ориентированные на существенные семантические преобразования в человеческой ментальности и имеющие тенденцию к выходу за пределы языка (таковы метафорические преобразования содержаний, символизация, антонимические инверсии). Все эти тактики так или иначе связаны с языком и его лексической системой, поскольку сновидения, по Фрейду, просто нуждаются в словах. Ср.: «Когда абстрактно выраженная мысль переводится на конкретный язык, то между этим новым ее выражением и остальным материалом сновидения легче находят точки соприкосновения, которые необходимы сновидению и которых оно ищет: конкретные выражения в каждом языке вследствие развития его допускают более обширные ассоциации, нежели абстрактные» [10, с. 418].

И все же Фрейд интуитивно осознает особую значимость в этих условиях познавательных тактик, реализующихся на границе языка и неязыковых содержаний бессознательного.

Прагматическое расширение. Этот процесс у Фрейда связывается с эффектом «сгущения». Его суть состоит в том, что некий образ подразумевает в сновидении гораздо больший смысл по отношению к себе самому. «Сновидение скудно, бедно и лаконично, — писал Фрейд, — по сравнению с объемом и богатством мыслей» [10, с. 356 — 357]. Основной механизм концентрации содержаний в случаях такого рода — «втягивание» в содержательный объем того или иного образа сновидения дополнительных содержаний по культурно-ассоциативному принципу. Важную роль при этом играет сам сновидец, являясь носителем подобных ассоциаций. Так, приснившаяся Фрейду *монография о каком-то растении* ассоциативно связалась им со статьей о кокаине, которую он написал давно, от кокаина мысли пошли, с одной стороны, к воспоминаниям об университетской лаборатории, с другой — к его другу, который принимал участие в исследовании кокаина. Далее Фрейд припомнил беседу с этим другом, состоявшую накануне, и мысли о вознаграждении за врачебные услуги между коллегами. По-

сле этого Фрейд припомнил коллегу по фамилии Гертнер, его цветущую супругу, пациентку по имени Флора, любимые цветы своей жены и артишоки, которые любил он сам. «Понятие “ботаническая”, — заключил Фрейд, — представляет, таким образом, наивысший узловой пункт, в котором сходятся многочисленные цепи мыслей...» [10, с. 361].

По существу, Фрейд таким путем предвосхитил введение в лингвистический оборот понятия «ассоциативные сети» и представление об их иерархическом устройстве.

Важную роль в формировании таких ассоциативных сетей занимают, по верному наблюдению Фрейда, устойчивые языковые конструкции — пословицы и поговорки, несущие дополнительные прагматические содержания. Так, упоминание о *Граце* приводит, по Фрейду, к речевому обороту «*Was kostet Graz?*», который употребляется людьми, желающими похвастаться своим богатством [10, с. 258]. Приснившаяся человеку (носителю немецкой культуры) повозка с овощами может связаться с поговоркой «*Kraut und Rüben*» (букв. «капуста и свекла»), представляющей мысль о беспорядке, хаосе [10, с. 423].

Учет контекстных условий сновидения. Эти условия, указывал Фрейд, задаются совокупность моментов, внешних по отношению к содержанию сновидения и его языковому описанию. «Здесь во внимание принимается не только содержание сновидения, — писал он, — но и личность и жизненные условия самого грезящего, так что один и тот же элемент сновидения имеет иное значение для богача, женатого и оратора, чем для бедного, холостого и кушца» [10, с. 127]. В связи с этим учет предварительных контекстных условий, включающих жизненный опыт сновидца, его общий культурный уровень, пережитые им события, психологические реакции и т. п., обязателен при выявлении истинных содержаний сновидения. Ср. по этому поводу у Фрейда: «Мой метод не так удобен, как метод популярного расшифровывания, который при помощи постоянного ключа раскрывает содержание сновидений; я, наоборот, готов к тому, что одно и то же сновидение у различных лиц и при различных обстоятельствах может открывать совершенно различные мысли» [10, с. 134]

Связь концептуальных дискурсивных построений и образного представления содержаний. Развиваемое Фрейдом положение относительно связи в сновидениях двух основных способов представления содержаний — концептуального и образного — представляет, пожалуй, наибольший интерес для современной когнитивной лингвистики. Это положение следует рассматривать в соотношении с другой важной идеей Фрейда — о глубинном характере содержательных структур сновидений, их близости бессознательному. Суть же положения о связи концептов и образов сводится к следующему: в снови-

дениях, как правило (но не всегда), мысль человека реализуется в образе. Это знаковое средство сновидений, а следовательно, и знаковое средство бессознательного.

Впоследствии эту идею разовьет и воплотит в теории архетипов коллективного бессознательного К.Г. Юнг. Архетипы у него — особые «образы», составляющие основу для формирования в сознании человека непосредственных образов восприятия. Ср.: «Этот пример иллюстрирует тот путь, по которому архетип wpłyвает в наш практический опыт, — они одновременно образы и эмоции. Об архетипе можно говорить только тогда, когда оба эти аспекта одномоментны» [12, с. 88]. Еще позже эта идея будет представлена в концепции языковых гештальтов Дж. Лакоффа. Ср.: «Основное, что я хотел бы показать (или увидеть, как это покажут другие), состоит в следующем: мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность и язык организованы с помощью одних и тех же структур, которые я называю *гештальтами*» [7, с. 365]. Сходных позиций придерживался и Л. Витгенштейн, утверждавший, что содержания, лежащие за пределами языка и языкового выражения, — содержания Невысказываемого, — сами показывают себя в образе [6, с. 72].

Перевод из одной кодовой системы в другую составляет, по Фрейд, если не важнейший, то наиболее интересный процесс в работе сновидений. Он писал: «Третий результат в работе сновидения психологически наиболее интересный. Он состоит в превращении мыслей в зрительные образы. Запомним, что не все в мыслях сновидения подлечит этому превращению, кое-что сохраняет свою форму и появляется в явном сновидении как мысль или знание: зрительные образы являются также не единственной формой, в которую превращаются мысли. Однако они все же являются существенным фактором в образовании сновидения; эта сторона работы сновидения, как мы знаем, является второй постоянной чертой сновидения, а для выражения отдельных элементов сновидения существует, как мы видели, наглядное изображение слова» [11, с. 109].

Концептуальны и образные коды, по справедливому замечанию Фрейда, они составляют в целом два разных языка, которые взаимодействуют в психике человека. «Мысли и содержание сновидения, — писал Фрейд, — предстают перед нами как два изображения одного и того же содержания на двух различных языках, или, вернее говоря, содержание сновидения представляется нам переводом мыслей на другой язык, знак и правила которого мы должны изучить путем сравнения оригинала и этого перевода» [10, с. 355]. Разрабатывая далее свою теорию, Фрейд отметил и некоторые грамматические правила образного языка сновидений, отражающие грамматику бессознательного. В частности, в образном языке сновидений он отметил отсутствие

средств, показывающих отношения между отдельными образами. Это обстоятельство он подчеркнул особо: «Для изображения частей речи, показывающих логические отношения, вроде "потому что, поэтому, но" и т. д., нет подобных вспомогательных средств; таким образом, эти части текста пропадут при переводе в рисунки» [11, с. 110; 10, с. 389–390]⁷.

Это различие в грамматике «поверхностного» языка, обращенного к концептуальным величинам, и глубинного языка сновидений — языков сознания и бессознательного — составляет основную сложность перехода с одного на другой, причину возможной внешней абсурдности сновидений по отношению к логическим конструкциям сознания. Фрейд считал, что логика сознания и естественного языка стоит выше «логики» бессознательного. Поэтому сознание способно вновь возвыситься над логической «ущербностью» сновидений — ср.: «Толкование должно... снова восстановить эту связь, уничтоженную деятельностью сновидения» [10, с. 390].

Так ли это на самом деле? Скорее логика бессознательного является всего лишь иной по сравнению с логикой естественного языка, и задачу современной когнитивной лингвистики составляет ее выявление. Во всяком случае, уже с позиций, определенных Фрейдом более столетия назад, можно говорить об общем семиотическом различии глубинного уровня человеческой ментальности и поверхностного, дискурсивного. Первый холистичен и имеет по преимуществу иконическую образную природу, второй дискретен и опирается главным образом на символ. Единицы первого лежат за пределами языка и языкового выражения и потому «несвойственны» обычной человеческой ментальности, единицы второго, напротив, по природе своей принадлежат языку и непроизвольно принимаются как эталонные при осмыслении действительности.

Это лишь самые первые, предварительные выводы, демонстрирующие верность намеченных Фрейдом теоретических позиций. Но

⁷ Любопытно, что подобная ситуация наблюдается в изолирующих языках, где синтаксические зависимости могут выражаться посредством знаменательных слов, в этих случаях выступающих в функции служебных. Аналогичная картина просматривается в историческом плане и во флективных языках. Так, в русском языке предлог *под* восходит к знаменательному слову (существительному) *под* 'дно, низ', *за* < *зад*, *перед* < *сущ. перед*, *подле*, *возле* < прасл. *dlja* 'длина', *близ*, связанное с *близкий*, латыш. *blaižit* 'давить, жать, бить, тереть', лат. *fligere* 'бить'. И вполне прозрачны в этом отношении русские предлоги *вглубь*, *вдоль*, *вокруг*, *около*, *впереди*, *насчет*, *ввиду*, *по случаю* и т. п. Эти зависимости прослеживаются и в других языках — ср.: франц. *près* 'близ', ит. *presso*, *apresso*, связанные с лат. *pressus* 'сжатый', греч. *ἄχχί* 'близ', связанное с *ἄχχω* 'сжатый'.

уже они показывают необходимость дальнейшего укрепления междисциплинарных связей современной когнитивной науки и глубинной психологии, перспективность обращения этих двух научных дисциплин друг к другу при изучении содержательной природы человека и его психологических функций.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 240.
2. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 147–173.
3. Берестнев Г. И. О «новой реальности» языкознания // Филологические науки. 1997. №4. С. 47–55.
4. Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте. Калининград, 2005.
5. Берестнев Г. И. Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2007.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1.
7. Лакофф Дж. Языковые гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С. 350–368.
8. Рабинович Е. Г. Земля // Мифы народов мира. М., 1991. Т.1. С. 466–457.
9. Топорков А. Л. Печь // Славянская мифология. М., 1995. С. 310–312.
10. Фрейд З. Толкование сновидений. М., 2011.
11. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
12. Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.

Inga Vasilyeva, Anna Tsvetkova

FREUD'S COGNITIVE AND LINGUISTIC INSIGHTS IN THE THEORY OF DREAM INTERPRETATION

This article stresses the theoretical 'touching points' of S. Freud's theory of dream interpretation and modern cognitive linguistics. The authors stress the relevance of such linguistic transformations as metaphor, metonymy, symbolisation, paronymy, homonymy, language game, and associative networks for Freud's theory. Moreover, polysemy, initial context conditions, and the transfer of content from one coding into another – from the iconic image system into the symbolic conceptual one – also play an important role in dream interpretation. It is concluded that Freud anticipated key theoretical principles of modern cognitive linguistics.

Key words: *Freud, depth psychology, psychoanalysis, dream, cognitive linguistics, metaphor, metonymy, symbol, paronomasia, language game, pragmatics, semantics, associative networks, semiotics.*